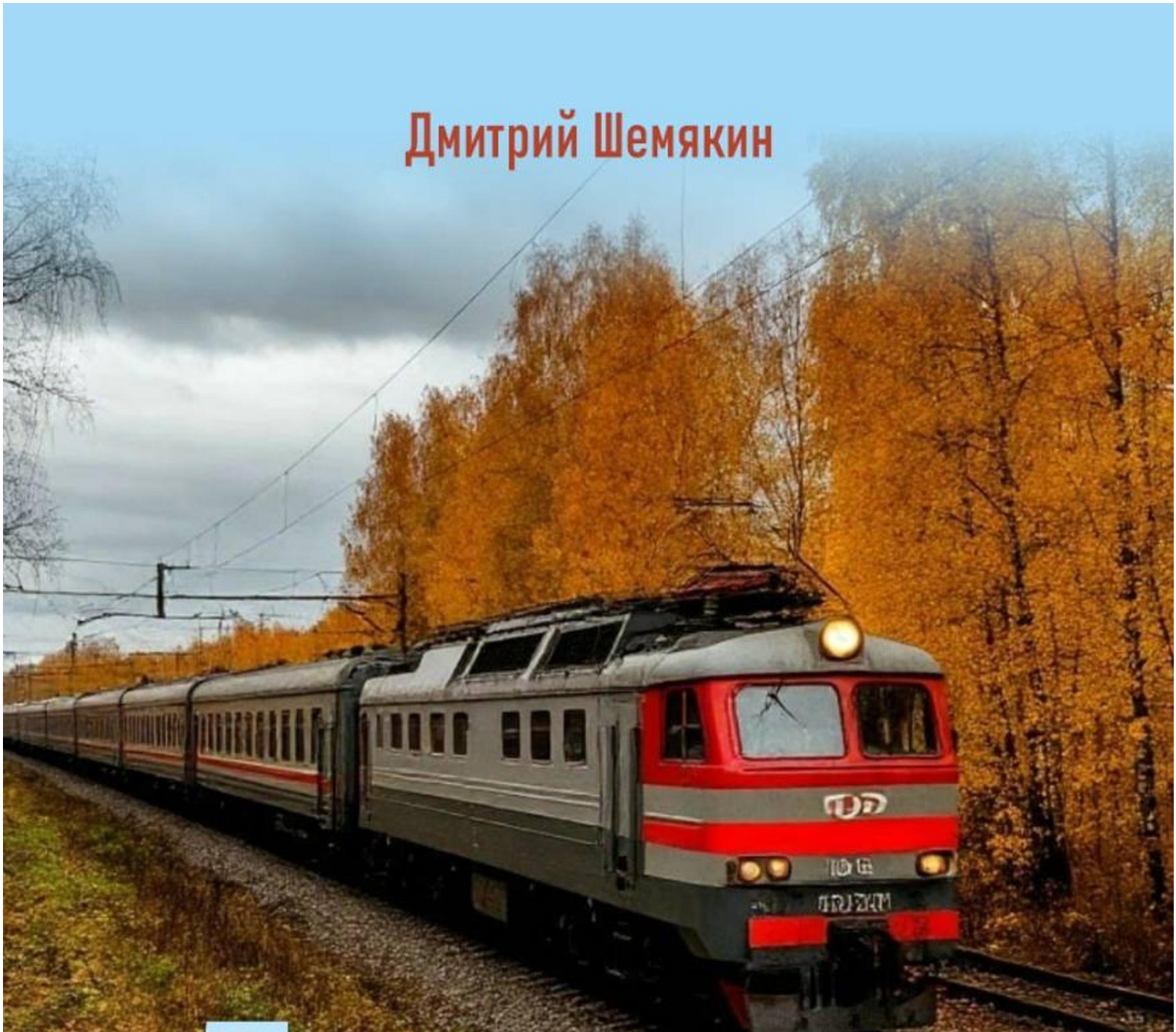
Дмитрий Шемякин

Дорожная история

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Дмитрий Шемякин

Дорожная история

«Автор»
2026

Шемякин Д.

Дорожная история / Д. Шемякин — «Автор», 2026

Сборник рассказов- грустных, смешных, фантастических, участники которых- обычные люди

© Шемякин Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Шемякин
Дорожная история

Дорожная история

Когда покупаешь билет на поезд, особенно если тебе долго ехать, всегда присутствует некая интрига: кто будет в соседях? Вахтовики, осатаневшие от трёхмесячного сухого закона и начавшие отмечать его окончание прямо в поезде? Женщины, именуемые сейчас «яжмамки», со своими чадами, которым позволено абсолютно всё? Бабули, пьющие различные лекарства, запах от которых намного въедливее аромата «доширака»? Или некое «комбо» из всех этих персонажей? Пьяный вахтовик с больным сыном?

Я несколько подобострастно протянул билет симпатичной улыбчивой проводнице, чем заставил её улыбнуться ещё шире. Ох, где таких берут? А главное — где мои восемнадцать лет? Где-то там, в конце 90-х. Как поёт седой уральский акын дядя Вова Шахрин: «Как это было давно, сколько с тех пор нагрешено, сколько светлых идей заживо погребено».

— Ваше место — сорок два, — сочувственно, будто подслушав, о чём я думаю, сказала королева вагона, заодно почти угадав мой возраст.

Неловко пробираюсь в середину почти ещё пустого вагона и занимаю своё место. До пункта моего назначения мне ехать больше суток. Телевизионный экран окна больше суток будет показывать передачу под названием «Великая страна и её расстояния».

Позабавил как-то рассказ одного иностранца-музыканта, который с круглыми от удивления глазами рассказывал, что они ехали всю ночь из Москвы в Питер «через всю Россию». Что же бы ты сказал, если бы тебя повезли во Владик? А потом обратно?

В купе пока я один. Оглядываю свой дом на ближайшие сутки и не могу скрыть восхищения. Как ни крути и ни ругай власть, РЖД не зря ест свой хлеб. Вымытые окна, между стёклами которых нет окаменевших мух, чистый столик, скатёрка, бельё в полиэтилене, множество удобных розеток и даже телевизор на стене, где, к счастью, беззвучно открывает рот какая-то современная певица.

Да, времена поездов с выбитыми стёклами, следами пожаров и запахом мочи в вагонах остались в лихих 90-х — и, надеюсь, навсегда.

Вагон постепенно заполняется. В открытые двери купе видно проходящих озабоченных людей с чемоданами, сумками, пакетами. На перроне курят пассажиры-старожилы, уже порядком уставшие от путешествия. Все как один в шортах, майках и сланцах, хотя на улице ноябрь. Есть что-то в этом романтическое: выскочить на каком-нибудь полустанке, в холод, в лёгкой одежде, торопливо затянуться и, безалаберно оставив больше половины сигареты, швырнуть её в урну и снова забраться в тёплый вагон. Хоть я и давно не курю, но всё равно тоже люблю выходить почти на каждой остановке — размяться, поглазеть на очередную станцию с каким-нибудь забавно-странным названием, типа Цветочкино или Свято-Богохульниково.

— Добрый день, — слышу я за спиной.

А вот и первый мой сосед. Я поворачиваюсь и, чуть кивнув, отвечаю на приветствие. Сосед примерно моего возраста. Обыкновенное, ничем особо не примечательное лицо, разве что глаза. Голубые, глубоко посаженные, смотрящие с какой-то скрытой не то печалью, не то укоризной. На секунду мне даже показалось, что я его где-то встречал.

— Далеко едете? — спрашиваю я.

— До Васнецово, всю ночь, завтра днём выхожу, — охотно отозвался он.

Мы познакомились. Моего попутчика звали Иван. В Васнецово он ехал по каким-то коммерческим делам.

Вскоре вагон мягко дёрнулся, набирая скорость. Больше к нам пока никто не подсел. Быстро стемнело, как это бывает в ноябре, и лишь изредка за окном можно было увидеть редкие огни да одинокие столбы с фонарями.

Я растянулся на своей нижней полке, заполняя в планшете таблицы для отчёта. Краем глаза я наблюдал, как мой сосед, достав ноутбук, тоже принялся сосредоточенно стучать по клавишам. Через час пожаловала проводница с вторичной сверкой билетов. В коридоре вагона снова заходили. Люди обживались: носили чай, ходили в туалет, переодевались в спортивные костюмы или просто стояли у окон, глазея в темноту.

Сосед тоже сходил и быстро вернулся с двумя кружками в знаменитых железных подстаканниках.

— Угощайтесь.

— Спасибо. С удовольствием.

Некоторое время мы молча пили пахучий крепкий несладкий чай, глядя то в окно, то на экран телевизора, где модную певицу сменил ещё более модный певец, опутанный затейливыми татуировками настолько, что даже на лице у него виднелись какие-то каракули. У сцены, на которой беззвучно пел певец (а может, певица), вовсю веселилась толпа юношей и девушек. Лица их были счастливы, а глаза горели тем самым огнём, который у взрослых со временем угасает. У кого-то уже к тридцати, кто-то держится и дольше.

— Чудо-юдо, — усмехнулся Иван, кивая на исполнителя. — Но я себя всегда стараюсь сдерживать и не ругать молодёжь, ибо в их возрасте мы, в принципе, были такими же остолопами.

— Что было, то было, — отозвался я. — Просто от многих глупостей нас спасало отсутствие денег. А отсутствие телефонов с камерами надёжно хранит тайны, что мы творили в молодости.

— Денежное, — объявили по радио, — стоянка три минуты.

Мы рассмеялись такому совпадению. Как-то быстро и совсем незаметно мы разговорились. На чём сходятся люди в таких дорожных знакомствах, если не считать алкоголя? Сначала на разговорах о каких-то забавных или не очень жизненных ситуациях. И, глядя на реакцию

собеседника, его ответы и встречные рассказы, ты начинаешь понимать: твой это человек или нет. Если нет, то обычно такое знакомство рассказами и заканчивается. А вот если да, то ты осторожно, шажок за шажком, начинаешь открывать человеку душу. И помогали в этом схожие интересы и вкусы. Когда собеседник понимает тебя с полуслова, когда он говорит цитату из книги, фильма или песни, а ты её продолжаешь, — неизменно появляется та самая химия, после которой ещё недавно чужой человек становится тебе если не другом, то близким товарищем.

Конечно, с алкоголем всё это происходит в разы быстрее: он выступает в роли некоего катализатора. Но есть и огромный минус. В таких беседах каждый выворачивает наизнанку душу, только когда пьяный, причём слыша только себя, а утром чихать готов на вчерашние рассказы собеседника — если вообще о них помнит.

Мы сошлись с Иваном, повторюсь, быстро, найдя ключи друг к дружке по маркерам из кино, книг и музыки, придя к общему мнению, хоть и с оговорками, что «Блок Ада» у «Алисы» — вещь культовая, но много дешёвого пафоса; что роман «Чего же ты хочешь», написанный Всеволодом Кочетовым в 1969 году, как нельзя лучше показал современную интеллигенцию; что «Клан Сопрано» — отец всех сериалов, но психологические качели главного героя со временем надоедают.

Что ещё нужно, чтобы незнакомый человек выговорился? Слушать. Не просто слушать, а принимать в рассказе участие, проживать его вместе с собеседником. Наверное, это у меня немного получается, поскольку жена и друзья называют меня бесплатным психологом, хотя работаю я инженером на заводе.

Была уже глубокая ночь, но мы не спали. Вышли на какой-то остановке городка, названия которого я не запомнил. Зато Иван, увидя, как вдалеке мелькает огнями старомодная вывеска «Диско-бар», вдруг засмеялся:

— Воспоминание, как говорится, разблокировано. Вот с такой вывески вся моя жизнь после армии закрутилась штопором, да таким, что…

— Заходим, молодые люди, — сердито-ласково, как мама нашкодившим сыновьям, сказала проводница.

Мы хором поблагодарили за «молодых людей» и залезли в вагон.

— Расскажешь? — спросил я Ивана, хотя мог этого и не спрашивать

— Как там «Звёздные войны» начинаются? — усмехнулся Иван. — «Давно это было…»

Он быстро вышел и вернулся, только уже не с чаем, а с кофе.

— Не возражаешь, Женя?

Я не возражал.

Иван пригубил напиток и помолчал, вспоминая.

— Я тогда только из армии недавно вернулся. Ну, пару дней с родителями, с роднёй. Потом с друзьями — на дискач в ДК «Юбилейный».

Иван усмехнулся.

— Вот и в нашем посёлке точно такая же вывеска: Диско, блин, бар и была. Ну, дискачи конца 90-х ты сам прекрасно помнишь.

— Ещё бы, — хмыкнул я. — Сначала разогрев в виде бутылки водки в одном кармане и огурца в другом, потом «What Is Love», «Лондоон гудбай» — все вопят, потом махач за ДК, потом расслабон для уцелевших в виде медляка «Энигмы».

Иван одобрительно рассмеялся.

— Примерно так всё и было. Мы пацанов с микрорайона Строитель тогда знатно отмудохали. Мне чуток в глаз прилетело — в общем, терпимо, но не суть. Возвращаемся в зал, а там: «Как упоительны в России вечера». И диск-жокей орёт: «Белый танец!» Эх, знать бы всё заранее, я этого диск-жокея… В общем, я ещё осмотреться толком не успел, как меня девушка пригласила.

Иван улыбнулся какой-то беззащитной, мечтательной улыбкой, видимо, ещё раз проживая тот момент.

— Девушка была что надо: лосины, джинсовочка, вся такая… ладная, гибкая, как ящерица. Потанцевали, слово за слово — ну и завертелось у нас с ней так, что я через два месяца только опомнился, когда она сказала, что залетела. И вот тут-то я и выясняю, что моей дорогой Виктории — семнадцать юных лет.

Я едва не поперхнулся кофе, но, совладав с собой, вытер выступившие на глазах слёзы.

— Что, даже возраст не спросил?

— Спросил, — криво ухмыльнулся Иван. — Сказала, что восемнадцать. Мне этого хватило.

— Что ж ты паспорт-то у неё не глянул?

Иван едва посмотрел на меня.

— Ну какой паспорт, Женя? Ты себя помнишь в двадцать лет? ... стоит, башка не варит. У меня как раз тогда друг уехал надолго и хату оставил. Ну, мы там два месяца и зажигали. Дозажигались. Мне бы ещё тогда сесть, подумать как следует, но куда там…

Он допил кофе и, привалившись к стенке, закинул руки за голову.

— Я ведь как тогда рассуждал: я мужчина, несу ответственность за свои поступки. И в том, что случилось, виноват только я. Да и вообще, нужно семьёй обзаводиться. А Виктория — классная девчонка, за ней много кто, кстати, бегал… А тут как раз друг возвращается. И

куда нам? К моим родителям, которые в коммуналке, или к брату с сестрой, у которых уже свои семьи? В общем, решили мы с Викой жить у её матери. Она одна, после двух разводов, комната свободна. Ну, думаю, поживём, пока я на ноги не встану.

— Ну и как встретила тебя тёща?

Иван хмыкнул. Было видно, что отношения с тёщей не заладились с самого начала.

— Как может принять незнакомого мужика женщина, которая сама с двумя мужьями не ужилась? «Живите, но чем скорее вы свалите, тем лучше. А тебя я терплю постольку-поскольку; будешь себя плохо вести — выпну» — примерно это было написано у неё на лице. Но через какое-то время несколько притёрлись, пообтесались. Но тут нарисовалась новая проблема. Виктория то ли из-за беременности, то ли из-за своего характера стала дико раздражаться от моей родни. Как ни придём в гости к брату с сестрой или к родителям — обязательно скандал, инициатором которого была Вика. Причём ссора практически на пустом месте: то из-за артиста, то из-за песни, то брат громко смеётся. Я сначала всё помирить всех хотел, но, видя, что это дело никак не получается, стал просто тупо брать сторону Вики. Результат — от нас отвернулась моя родня. Уже никто не звал нас в гости, на праздники. Оно и понятно: зачем за столом нужна истеричная скандалистка и муж, который в любом случае будет её защищать, причём даже когда она не права?

— Кудымбаково! — возвестило радио, и мы с Иваном, не сговариваясь, накинули куртки и вышли на улицу.

Стояла морозная ноябрьская ночь — одна из тех, которые бывают в межсезонье, когда ночью холодно, а днём всё раскисает. Корочки снега, застывшие на стенах и перроне станции, образовывали причудливый узор. Где-то за нашим поездом посвистывали товарняки, и раздавалось глухое звяканье вагонов. Перрон был почти пуст, кроме нескольких вяло ругающихся ремонтников в оранжевых жилетах.

Иван закурил. Из-за того, что было морозно, дыма, выпускаемого моим спутником, было целое облако, которое медленно рассеивалось в темноте.

— Ну а ещё через пару месяцев настала и моя очередь, — продолжил Иван, затягиваясь. — Виктория после очередной истерики сказала, что я её раздражаю и что ей нужно пожить одной.

— Так ей же рожать скоро было! — удивился я.

— Так и есть. На седьмом месяце была. Но что поделаешь… Я ушёл. К родителям. Родаки есть родаки — любого примут.

Я молча смотрел на этого человека. Не похож он ни на подкаблучника, ни на дурака. Что же с ним сделала любовь к этой девушке, что он ей всё прощал? И это, видимо, ещё далеко не конец его компромиссов.

Холод быстро проник под куртку, и я начал слегка пританцовывать, дожидаясь, пока Иван докурит. Он, видимо, увлечённый воспоминаниями, не замечал холода.

— Родила Вика нашу дочку, Ниночку, как положено, в срок. Всё хорошо вроде. Я на завод устроился, военный, хату снял, перебрались мы туда. Думал, вот сейчас-то заживём по-нормальному.

Он сделал паузу, щелчком отбросил окурок, который, ударившись о рельсу, рассыпался снопом искр, но продолжал тлеть.

— Нет, Евгений, не зажили мы по-людски. Как-то не получалось, хотя вроде всё для этого было. Дома — бардак постоянно. Как со смены не приду — жрать нечего. Сам готовлю, но это, в принципе, нормально: готовлю-то я как раз неплохо. Плохо было то, что как выходные, так я с Нинкой сижу, а Виктория с подругами по клубам тусит. Ну, я раз простил, два, а потом и не заметил, как это вошло в привычку. Начну возмущаться — сразу скандал: «Я молодая ещё, мне пожить хочется!» Пробовал ругаться, орать; как-то раз даже до битья посуды дошло. Итог всегда один: соберёт шмотки, хватает Нинку — и к матери.

Иван помолчал, глядя, как медленно, будто глаз Терминатора, потухает красный огонёк брошенного окурка.

— А я, понимаешь, не могу долго без них. Они же моя семья. Покупаю подарок, цветы, иду к тёще мириться с Викторией.

Мы вдруг заметили, что улыбчивая проводница, стоявшая недалеко от нас, внимательно слушает повествование моего товарища. Иван застеснялся, прервал рассказ и мотнул головой:

— Айда в вагон, Женя, дубак тут у них.

Проводница, скрыв разочарование, вздохнула. Мне даже показалось, что она сейчас бросит все свои дела и придёт к нам в купе дослушивать грустную историю про влюблённого по уши в собственную жену юношу, готового прощать своей женушке всё.

В купе, кроме нас, спал на второй полке новый пассажир. Видимо, пока мы мёрзли на улице, он прошёл на своё место, расстелил постель и завалился спать.

— На чём я остановился? — спросил Иван тихо, чтобы не разбудить нового соседа.

— На том, что ты к жене мириться ходил.

Поезд тронулся, покидая Кудымбаково, перрон и всё ещё ругающихся на вокзале путейцев.

— Я уж и не помню, за что я извинялся, в чём каялся, — говорил Иван, — но Вика, конечно, возвращалась. Мирились, конечно. Бурно. Надышаться друг на друга не могли. Но только через несколько месяцев всё по новой начиналось. В тот раз расставание было особенно долгим. Виктория ушла к матери на целый месяц, снова забрав с собой Нину. Вот тогда-то я и познакомился с Настей.

— Познакомились мы случайно. Она на работу к нам приезжала, документы какие-то оформлять по продукции. Юрист, работала в госструктуре. На три года старше меня. Конечно,

не такая красавица, как Вика, но симпатичная. Спокойная, рассудительная. Чтобы орать и голос повышать — упаси бог, вообще никогда от неё не слышал крика. Квартира своя, правда, небольшая. Везде порядок, всё аккуратно.

Иван по-бабьи подпёр щёку рукой и улыбнулся, глядя в тёмное окно и видя в нём, наверное, не своё, а Настино отражение. Экран телевизора, который продолжал работать в беззвучном режиме, начал показывать очередной клип: какая-то негритянка-принцесса, сидя на троне, смотрела с неподвижным лицом на десятки коленопреклонённых слуг, которые один за другим падали перед ней ниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.